Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга

Официальный сайт монастыря (https://imonspb.ru)

Послушание как главная добродетель в монашеской жизни. Игумения Домника (Коробейникова)

Доклад игумении Домники, настоятельницы Александро-Невского

Ново-Тихвинского монастыря (г. Екатеринбург) на Собрании игуменов и игумений монастырей Русской Православной Церкви (Свято-Троицкая Сергиева лавра, 8−9 октября 2014 года).

Тема моего доклада – «Послушание как главная добродетель в монашеской жизни».

В одной книге есть такие вдохновенные слова. Что такое монастырь? Монастырь – это самое святое место, выше Синая и Фавора. Как пишет святитель Василий Великий, ни в чём «земном нет подобия ему. Остаётся одно подобие – горнее»([1)]. Чем же монастырь превосходит мир? Тем, что в нём люди живут, подобно ангелам, в целомудрии, в славословии Бога, единодушии и любви. И, конечно, высочайшее достоинство монашеской жизни, непостижимое для мира, – это послушание. Как Моисей перед купиной на Синае снял свою обувь, так и монахи, образно говоря, снимают старую обувь, то есть отлагают свою ветхую волю, чтобы обуться в обувь воли Господней и пойти вслед за Господом([2)]. Послушание помогает им освободиться от всех внутренних уз:

страстей, немощей, эгоизма, мирского мудрования – и в духовной свободе устремиться к заповедям Божиим, к Царству Небесному. Послушание таинственно подаёт монахам Духа Святаго и зачинает в них благодатную жизнь. Наконец, через послушание они уподобляются Самому Христу. И недаром каждый человек, вступающий в монашескую жизнь, называется послушником и запечатлевает своё самоотречение обетом во время пострига.

Но что есть истинное послушание? Какой смысл вкладывают в это слово святые отцы? Очевидно, что послушание не сводится к дисциплине. У него другие цели и характер. В то время как дисциплина только обеспечивает порядок в обществе, послушание вводит человека в живые отношения со Христом. Дисциплина – это лишь внешнее подчинение одного человека другому ради каких-то земных целей. А послушание есть свободное искание воли Божией, возводящее человека в подвиг отречения от своего «я» и являющееся главной причиной преображения его души и святости.

И от того, что насаждается в монастыре: послушание или простое внешнее подчинение – зависит очень многое. Будет ли братство жить и развиваться, преуспевать в молитве и всех добродетелях? Будет ли в нём единство? Всего этого невозможно достичь с помощью дисциплины. По словам старца Софрония (Сахарова), если в монастыре появляется дух дисциплины – это «верный признак снижения монашества»([3]). К монашеству неприложимы законы, которыми управляется жизнь в миру. Монастырь – не просто учреждение, и игумен – не управленец, занимающийся административным регулированием. Он несёт служение по примирению человека с Богом, его отношения с монахами имеют священный характер. И послушание в монастыре – это не инструмент управления, а таинство, в котором совершается возрождение человека Духом Святым. И если игумен любит свой монастырь и хочет обеспечить его будущее, то первое, что он призван сделать, это насадить в нём послушание.

Каковы же признаки послушания, отличающие его от дисциплины? Полный и подробный ответ на этот вопрос можно найти в книге «Поучение о послушании» преподобного Зосимы (Верховского), русского подвижника 19 века. Он очень точно передаёт исконное предание об этой добродетели, отвечая на все вопросы, которые могут возникнуть у послушников и духовных наставников.

Во-первых, преподобный Зосима говорит, что послушание основывается на доверии, и, принимая братьев в обитель, игумен должен смотреть, готовы ли они полностью довериться ему. В противном случае отец и братья будут претерпевать друг от друга одни беды, скорби и смущения, и смогут ли они достичь своего спасения – Бог весть([4]). Если у монаха нет доверия, то все

усилия игумена привести его к Богу могут оказаться тщетными, потому что для такого брата, по словам старца Зосимы, «всё заповедуемое отцом будет тягостно и неприятно»([5]). Например, игумен, видя, что брату неполезно его послушание, переведёт его на другое. Монах внешне подчинится, но в душе затаит обиду. И это станет препятствием на его духовном пути. Он не сможет ни ревностно исполнять новое послушание, ни в чём другом искренне слушаться отца, потеряет молитву, будет завидовать братьям, которых будто бы игумен любит больше. И всю свою монашескую жизнь он будет считать неудачей. Если монах не любит игумена, не доверяет ему, то для него всё обращается в трудности и заканчивается плачевно. В то время как для инока, любящего своего духовного отца, горы превращаются в песчинки! И чем больше доверяет брат игумену, тем легче делается для него путь монашеской жизни, тем быстрее он преуспевает в молитве и всех добродетелях.

Конечно, для того, чтобы братия полностью доверяли игумену, важно, чтобы игумен самой своей жизнью вызывал у них любовь и доверие. В одном монашеском уставе V века есть даже особый пункт об этом: «Игумен должен стараться быть любимым больше, чем внушать страх»([6]). Интересный комментарий к этим словам даёт архимандрит Эмилиан, проигумен монастыря Симонопетра: «Монахи не должны прилагать усилия, чтобы полюбить игумена, понять его, довериться ему… Если старец не притягивает, не вдохновляет сам по себе, то что могут сделать послушники? Положение в этом случае очень непростое. Конечно, они в любом случае будут любить своего игумена, потому что это их обязанность ради имени Божия. Но чтобы полюбить нелюбимого, они испытают тяжелейшую борьбу, а жизнь в монастыре станет кошмаром, томлением. … И поэтому игумен должен вдохновлять на любовь к себе. Тогда жизнь в монастыре будет соплетена с радостью Христовой»([7]).

Для того чтобы быть любимым братией, игумену не обязательно иметь великие дарования. Как пишет старец Эмилиан, «игумена любят не за его дарования, не за его святость или мудрость, а за то, что он отец, игумен, за то, что в монастыре он представляет собой образ Бога»([8]). Таинство послушания отличается от дисциплины именно тем, что братья повинуются игумену как дети отцу, то есть с полным доверием и нежной любовью, а не так, как бывает в светском учреждении, где старший приказывает, а младшие подчиняются нехотя или отстаивая свои права.

Игумен поистине является отцом братства, когда его управление неотделимо от духовной жизни, когда он чутко ощущает духовное состояние иноков и к каждому стремится найти свой подход. В одной книге приводится такой пример. Представьте себе двух монахов. Первый, если игумен даст ему оплеуху,

обрадуется: вот как сильно любит его игумен! А второй очень раним из-за того, что родители плохо с ним обращались; и он смущается от малейшего замечания. И игумен призван верно оценивать силы каждого брата и учитывать их характер, воспитание, немощи. Как говорит один старец, игумен – не властитель и не дорожный каток. Он не подавляет послушника, а вдохновляет его к добровольному, свободному послушанию. Игумен выстраивает отношения так, чтобы монах всегда пребывал в напряжённом духовном подвиге, каждый день упражняясь в отсечении своей воли, и в то же время не впадал в отчаяние, если не может по немощи исполнить повелений отца. Особенно важна осторожность в вопросах здоровья. Несогласие в этом – одна из частых причин, из-за чего человек теряет доверие к духовному отцу и даже уходит из монастыря. Игумен должен тонко ощущать грань, когда проявить настойчивость, а когда лучше снизойти.

Нередко перед ним встают очень сложные духовные задачи. Как, например, пробудить дух подвижничества в братстве? Как такого брата, который постоянно думает о себе и стремится к комфорту, научить самопожертвованию? Как вдохновить к евангельской жизни того, кто просит для себя особую одежду или пищу? Или как научить того, кто требует особенного внимания к себе, искать не любви человеческой, а любви Христовой? Если презирать немощи людей, то этим им не поможешь. Игумен призван сопереживать их страданиям. Он первый должен понять их, чтобы они потом поняли его. И главное, что нужно игумену в таких случаях, это долготерпение. Теоретически все монахи призваны к терпению, но на деле именно игумену приходится быть самым терпеливым человеком в братстве. Ведь если монахи обязаны любить и приносить себя в жертву, то тем более обязан любить и приносить себя в жертву игумен. И если он таков, то он вносит в жизнь монастыря мир и надёжность, и братья доверяют ему и слушаются от всего сердца.

При этом важно, чтобы и сами монахи понуждали себя к доверию игумену. Один оптинский старец говорил: «Как человек относится к старцу, так точно относится и старец к нему»([9]). Если инок имеет открытость и доверие, то и сердце духовного отца открывается ему навстречу. И даже если игумен подвержен страстям и немощам, ради своего послушника он будет преображаться. Чувствуя свою ответственность, он будет молиться за своё духовное чадо, стремиться ему помочь и сам будет возрастать в любви и духовном делании.

Но что делать, если какого-либо монаха всё же смущают помыслы недоверия к игумену? Важно понимать, что смирение и оставление своей воли – дело нелёгкое. Послушание – высочайший подвиг для человека с падшей природой. И

потому неизбежно иногда и смущение, и нежелание повиноваться, и недоверие – даже у людей, по характеру мягких и кротких. И игумен должен ободрять монахов, советуя не бояться этих помыслов, а презирать их. В житии преподобного Зосимы рассказывается такой случай. Дьявол стал посевать в сердце одной из его послушниц отвращение к старцу. Стыдясь открыть ему это, она всё более приходила в уныние. Наконец, она созналась ему: «Отче, я тебя не люблю, даже не могу равнодушно видеть тебя или слышать голос твой! Всегда чувствую в себе досаду и думаю: зачем этот мужик живёт с нами?» Старец увещал её с любовью, что это не её помыслы, а вражии. Она умиротворялась, но скоро искушение снова восставало. Так продолжалось более года: сестра плакала и говорила старцу, что ненавидит его, а он отвечал: «Терпи, терпи. Венец мученический будет тебе, если только не послушаешь врага. На самом деле ты меня любишь. Иначе не плакала бы и не говорила бы о своих чувствах откровенно, а судила бы обо мне с сёстрами, искала бы других наставников и клеветала бы им на меня. А ты меня поистине любишь. На мне пусть взыщет Господь этот грех твой». И милосердый Бог избавил сестру от искушения и даровал ей такую преданность и веру к старцу, что она и в предсмертной его болезни служила ему([10)].

В этом рассказе хочется отметить один важный момент. Что помогло сестре кроме терпения и любви старца? То, что она была с ним откровенна.

И это второе условие истинного послушания – откровенность перед духовным наставником. В отличие от дисциплины, послушание всегда совершается в диалоге с личностью. И старец Зосима советует брату, вступающему в обитель, рассказать игумену всю свою жизнь, «все свои добрые и злые дела, от юности совершённые»([11)]. Игумен же должен помочь брату раскрыться, чтобы он увидел все свои внутренние трудности, понял, отчего они происходят и, главное, как их можно преодолеть. Ведь если брат не расскажет всего и останется наедине со своими проблемами, смущениями и помыслами, то потом от внутреннего неустройства он станет искать какие-то ложные, неправильные выходы. Например, будет заполнять время праздными разговорами. Или начнёт искать утешения в пище. Или увлечётся внешней деятельностью, предаваясь суете и рассеянности. Или наоборот, впадёт в апатию и болезненность. Всего этого можно избежать, если послушник откровенен с духовным отцом.

По словам старца Зосимы, если нет откровенности, то нельзя даже сказать, что брат живёт в послушании. «Такой брат живёт сам по себе, а не под руководством отца»([12)]. Например, монах умалчивает о каком-либо своём смущении или греховных помыслах. И игумен ничем не может ему помочь, даже если догадывается о его проблемах. Ведь суть состоит в том, в каких

отношениях брат с игуменом. Его скрытность или откровенность показывают: есть ли у него доверие к отцу, готов ли он исполнить всё, что скажет ему отец. И если такого настроя у послушника нет, а игумен обнажит его помыслы, то брат неизбежно смутится и воспротивится. Нужно, чтобы он сам, добровольно открыл свой помысел или грех. Одно то, что он откроется, – уже будет для него победой над своим «я».

Вообще, желание быть откровенным обнаруживает правильное духовное устроение послушника, саму его способность к монашеской жизни. И старец Зосима советует игумену «благосклонностью своей подавать братьям дерзновение, чтобы они были свободными в откровении всех своих чувств и помышлений»([13]). Такое общение с игуменом является для послушников источником вдохновения, так что они выходят от него с бодрым духом, готовые продолжать свой подвиг ради Царства Небесного.

Ещё одно свойство послушания, отличающее его от простого внешнего подчинения, состоит в том, что послушание совершается осознанно, с верой, ради Бога. Как пишет старец Зосима, никогда монах не должен повиноваться «просто, без всякой мысли», то есть бесцельно и равнодушно, уподобляясь «животному тихому, смирному и не имеющему разума»([14]).

В жизнеописании старца Ефрема Катунакского рассказывается, как один новоначальный монах пожаловался ему:

– Меня одолевают мрачные помыслы, и я не знаю, как с ними бороться.
Старец Ефрем сразу понял причину:
– Ты слушаешься своего старца? – спросил он.
– Да, отче. Что мне скажет старец, то я и делаю, – ответил монах.
– Да ты слушаешься, как животное! Настоящее послушание состоит в том, чтобы делать, что тебе говорят, от любви и ревности по Богу([15]).

Итак, поскольку брат слушался без живой веры, не от любви к Богу, а лишь по привычке, то не получал духовного плода. Послушание приносит плод тогда, когда монах творит его с горячей ревностью, с верою и пониманием, что он слушается ради Христа. И игумен вдохновляет братий к такому послушанию, когда он ко всем вопросам подходит духовно. Например, монах часто опаздывает на послушание. Игумен может сказать ему: «Чадо, твоё послушание – это твой дар Богу. Постарайся не опаздывать ни на минуту. Из этого будет видно, что ты живёшь в подвиге, а не расслабленно». И тогда монах без всякого принуждения и наказания сам решится делать то, что подобает. Тогда как обычная власть вынуждает, духовная власть ставит монаха перед Богом. И в этом смысле можно сказать, что в монастыре вовсе не должно быть обычной

дисциплины, не одухотворённой стремлением к Богу. Например, монаху велят принести ведро картошки на кухню, и уже это малое дело он призван исполнить, как порученное ему Богом, как приносящее благодать и освящение. Так самый простой труд в монастыре и любые монастырские правила приобретают священный и богоносный характер.

Для послушания как таинства характерно еще одно свойство, нераздельно связанное с верой в его благодатную силу. Послушание совершается с внутренней свободой и бодрым, радостным духом. Ведь если человек слушается ради любви ко Христу, если верит, что через отсечение своей воли соединяется с Богом, то он просто не может исполнять послушание вяло и равнодушно, словно из-под палки.

Часто послушники, в особенности новоначальные, делают такую ошибку. Стараясь исполнить в точности, что им сказали, они не обращают внимания, с каким чувством они это исполняют. Но, как утверждает преподобный Зосима, далеко не безразлично, с каким настроем слушается монах. От этого зависит, примет ли Господь его послушание, принесёт ли оно добрый плод([16]). И в этом главная тайна послушания.

Приведём такой пример. Благочинный, по поручению игумена, попросил братий подмести монастырский двор. Все монахи как будто делают одно и то же, все оказывают послушание; но у каждого свой настрой, свои помыслы. Один, подметая, негодует, что его отвлекли от основной работы, и вслух высказывает возмущение. Другой понуждает себя работать молча, но он нахмурен и внутренне огорчён. У третьего похожее настроение, но он сознаёт, что это состояние души – неправильное, греховное. И он внутренне укоряет себя, горячо молится и старается работать с ревностью. Наконец, четвертый монах трудится с искренней радостью. Он внутренне свободен и в любой миг готов пойти туда, куда благословит ему игумен. Для него всякое дело в монастыре, как пишут святые отцы, велико и достойно небес; на любом месте он ревностно служит Богу и братиям.

Преподобный Зосима, рассматривая в своей книге разные степени послушания, пишет, что инок, который слушается лишь наружно, в душе сохраняя недовольство, Богу не угоден. Только то послушание бывает по Богу, которое совершается охотно, или, по крайней мере, с понуждением себя к искреннему повиновению([17]).

Внутреннее, сердечное послушание – это основа монашеской жизни, одно из обязательных условий духовного преуспеяния. Ещё в древности преподобный Исихий Иерусалимский писал: «Подобает нам, пребывающим в общежитии,

добровольно и с бодрым сердцем всю свою волю отсекать перед настоятелем»([18]). Отсечь свою волю – не так просто. Вот монах оказал внешнее повиновение. Но радуется ли при этом его сердце? Не высказывает ли оно несогласие? Или, может, оно отзывается на чужую волю вяло, со скорбью, едва-едва подвигаясь к повиновению? «Не таким должно быть наше сердце! – как бы говорит преподобный Исихий. – Не вялым и расслабленным, но бодрым, живым!». Монах не должен быть подобен умирающему, он должен быть воином, героем, в том числе и в послушании.

Ведь когда святые отцы учат отсечению своей воли, это не значит, что человек должен стать безвольным. Под отсечением своей воли имеется в виду отвержение воли греховной. Но воля, влекущая человека к Богу, должна быть очень сильной. Владыка Афанасий Лимасольский в одной своей беседе говорил: «Например, когда мы рассуждаем о бесстрастии, мы не имеем виду, что человек должен стать бесчувственным. Бесстрастный не значит бесчувственный. Бесстрастный — это тот, кто любит очень сильно, кто хочет только одного в этой жизни — воли Божией. Но он именно хочет воли Божией.

Я помню, когда я решил уйти в монастырь, мама говорила мне: «Разве Церковь учит такому упрямству»? Да! Когда речь идёт об исполнении воли Божией – конечно! Человек должен с большой силой противостоять греху. Живоносный евангельский дух не является духом апатии. Мы не мёртвые существа, не растения, но мы люди, личности, наделённые силой, которая призывает нас следовать воле Божией»([19]).

И когда человек имеет такое стремление к Богу, то он не нуждается в том, чтобы ему приказывали. Он сам горит духом, сам ищет послушания и всем сердцем внимает духовному отцу и всем братиям, каждый миг следя за тем, чтобы исполнить не свою волю.

Однако возникает вопрос: что делать монаху, если он всё же чувствует внутреннее сопротивление, нежелание в чём-то послушаться? На этот вопрос отвечает преподобный Исихий. Он пишет, что в деле послушания необходимо иметь особое, очень тонкое искусство, которое состоит в том, чтобы человек «не смущался желчью»([20]). Желчь – это горечь, это смущение, когда надо исполнить что-то, чего совсем не хочется. И чаще всего именно эти смущающие помыслы, а не какие-то внешние обстоятельства, делают жизнь монаха бесплодной. Не зная того, как «слушаться с искусством», человек может провести долгие годы в монастыре, но при этом пребывать в страстях, чувствовать разочарование, пустоту. Такой человек приходит на послушание и тут же вступает в конфликт с ближними. Он хочет молиться, но не имеет

никакого сочувствия к словам молитвы, потому что его ум постоянно пребывает в беспокойстве, обуревается самыми разными помыслами. И очень часто суть всех этих духовных проблем коренится в том, что человек просто не решился предать себя в послушание, он держится за свою волю, свои желания, свой эгоизм. Собственная воля разделяет человека и с Богом, и с духовным отцом, и с братьями. Такой человек лишается главного достоинства монаха – сердечного послушания, и можно сказать, ниспадает с высоты монашеского чина.

И преподобный Исихий, открывая тайну настоящего послушания, призывает монаха «не смущаться желчью», то есть немедленно изгонять из сердца горечь, которая может возникать, когда нужно преодолеть свою волю. И старец Зосима пишет, что чувствуя скорбь от повеления человек ни в коем случае не должен оставлять в себе это чувство([21]). Он призван не опускать руки, не сдаваться, а понуждать себя исполнять повеление решительно, с молитвой, всеми силами стараясь преодолеть огорчение. Такое послушание можно приравнять к мученичеству, и оно всегда увенчивается успехом. Только тот остаётся без плода, кто оставляет борьбу, кто впадает в бездействие, отчаивается и говорит: «Ничего не могу поделать». Тот же, кто трудится, кто борется, кто стойко в сердце своём с молитвой противостоит своим желаниям, никогда не терпит неудачу. К нему обязательно приходит благодать Божия. И он чувствует, что больше не огорчается, что его сердце наполняется радостью и любовью к послушанию. И с каждым подобным случаем монах всё больше и больше освобождается от своей воли; ему всё легче и легче слушаться. Потому что послушание – это дело практики, и через постоянное упражнение в нём монах может достичь совершенного единения своей воли с волей Божией.

И такой монах – это самый счастливый человек. Как птица наслаждается свободным полётом в поднебесье, так и ревностный послушник наслаждается послушанием, возносящим его на небо. И дело духовного отца – всегда очень внимательно следить, как повинуется монах. Если у брата возникает смущение, с которым он не в силах справиться, то нужно помочь ему преодолеть его. Потому что если это огорчение будет накапливаться, то приведёт к унынию, которое в конце концов истощит духовные силы монаха, так что он даже не сможет продолжать монашескую жизнь. Хотя послушание – подвиг, но это подвиг, который должен наполнять жизнь монаха радостью. Преподобный Силуан Афонский однажды спросил монаха, которого всегда видел с радостным лицом: «Чему ты радуешься?» Монах ответил: «Все братья меня любят». «А за что же они тебя любят?» – вновь спросил старец Силуан. «Я всех слушаюсь», – ответил монах. Именно искреннее, сердечное послушание приносило ему глубокий внутренний мир. Как писал старец Силуан, «он обрёл покой через послушание, которое творил ради Бога»([22]).

Еще мне хотелось бы очень кратко сказать об одном свойстве послушания. Истинное послушание всегда соединено с молитвой. Можно сказать вся таинственная, духовная жизнь монаха, соединяющая его со Христом, состоит в двух деланиях – послушании игумену и молитве. И как учил преподобный Зосима, одно делание немыслимо без другого. Кто выходит из повиновения духовному отцу, тот не может чисто молиться([23]). Так и тот, кто ослабляет трезвение ума и оставляет молитву, не может сохранить истинное, сердечное послушание([24]). При этом и сам игумен всё совершает и говорит, исходя из молитвенного опыта, молитвенного настроя. И обучая иноков двум деланиям – отсечению своей воли ради Христа и непрестанной молитве, – он помогает им достичь главной цели – того, чтобы вся их жизнь стала предстоянием пред Богом.

И в заключение доклада мне хочется вспомнить краткое поучение, сказанное одним афонским игуменом своим чадам: «Вы знаете, для чего нас собрал здесь Господь? Для того, чтобы мы стали святыми. Тогда скажите: если мы достигнем чего угодно, но только не этого, то каков, по-вашему, результат? Монастырь наш будет одним из юридических лиц, а вовсе не священной обителью, местом воспитания душ и лоном Святой Троицы»([25]). И только тогда, когда в духовное основание монастыря положено таинство послушания, такой монастырь поистине становится источником жизни для всех, кто с ним соприкасается. Потому что святость является в нём нормой жизни и в нём уже нет того, от чего страдают люди во всём мире: искания первенства, зависти, разделения. В таком монастыре не видно мрачных лиц, но всюду царит радость, там истинно пребывает и действует Бог. И именно такой монастырь способен рождать миру новых святых.

Источник: Синодальный отдел по монастырям и монашеству

---

1. Василий Великий, свт. Подвижнические уставы. Гл. 18 // Василий Великий, свт. Творения: в 2 т. М.: Сибирская благозвонница, 2009. Т. 2. С. 354.
2. Перевод по: Αἰμιλιανὸς Σιμωνοπετρίτης, ἀρχιμ. Λόγοι ἑορτίοι μυσταγωγικοί. Ἀθῆναι: Ἴνδικτος, 2014. Σ. 30.
3. Софроний (Сахаров), иеромон. Об основах православного подвижничества // Софроний (Сахаров), иеромон. Прп. Силуан Афонский: Житие, учение и писания. Минск: Лучи Софии, 2005. С. 497.
4. См.: Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С. 487.
5. Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С.

488.
6. Перевод по: Αἰμιλιανὸς Σιμωνοπετρίτης, ἀρχιμ. Νηπτικὴ ζωὴ καὶ ἀσκητικοὶ κανόνες. Ἑρμηνεία στοὺς ὁσίους πατέρες Ἀντώνιο, Αὐγουστῖνο καὶ Μακάριο. Ἀθῆναι: Ἴνδικτος, 2011. Σ. 347.
7. Перевод по: Αἰμιλιανὸς Σιμωνοπετρίτης, ἀρχιμ. Νηπτικὴ ζωὴ καὶ ἀσκητικοὶ κανόνες. Ἑρμηνεία στοὺς ὁσίους πατέρες Ἀντώνιο, Αὐγουστῖνο καὶ Μακάριο. Ἀθῆναι: Ἴνδικτος, 2011. Σ. 348–349.
8. Перевод по: Αἰμιλιανὸς Σιμωνοπετρίτης, ἀρχιμ. Νηπτικὴ ζωὴ καὶ ἀσκητικοὶ κανόνες. Ἑρμηνεία στοὺς ὁσίους πατέρες Ἀντώνιο, Αὐγουστῖνο καὶ Μακάριο. Ἀθῆναι: Ἴνδικτος, 2011. Σ. 347.
9. Житие Оптинского старца Нектария. Издательство Свято-Введенской Оптиной пустыни, 1996. С. 16.
10. См.: Старец Зосима Верховский: Житие и подвиги. Изречения и извлечения из его сочинений: в 2 ч. Репр. воспр. изд. 1889 г. М.: Паломник, 1994. Ч. 2. С. 14–15.
11. Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С. 487.
12. Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С. 488.
13. См.: Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С. 525.
14. Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С. 513.
15. См.: Иосиф Ватопедский, мон. Блаженный послушник. Жизнеописание старца Ефрема Катунакского. М.: издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2004. С. 161.
16. См.: Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С. 513.
17. См.: Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С. 513.
18. См.: Исихия пресвитера к Феодулу слово душеполезное и спасительное, о трезвении и добродетели, оглавительное. [Гл.] 31 // Добротолюбие, или Словеса и главизны священнаго трезвения: в 2 т. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. С. 262.

19. Перевод по данным электронного ресурса: http: // www.omilies.net/2/2105_1 H ARETH THS YPAKOHS.mp3.
20. См.: Исихия пресвитера к Феодулу слово душеполезное и спасительное, о трезвении и добродетели, оглавительное. [Гл.] 31 // Добротолюбие, или словеса и главизны священнаго трезвения: в 2 т. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 1. С. 263.
21. См.: Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С. 513.
22. Софроний (Сахаров), схиарх. Старец Силуан Афонский. М.: подворье Русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря, 1996. С. 405.
23. См.: Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С. 606.
24. См.: Зосима Верховский, прп. Поучение о послушании // Трезвомыслие: в 2 т. Екатеринбург: Ново-Тихвинский женский монастырь; М.: Паломник, 2009. Т. 1. С. 591.
25. Емилиан (Вафидис), архим. Слова и наставления. Печать истинная. Жизнь в духе. М.: Издательство храма святой мученицы Татианы, 2006. С. 161

При перепубликации просим ссылаться на первоисточник: Иоанновский ставропигиальный женский монастырь города Санкт-Петербурга
https://imonspb.ru

Санкт-Петербург, наб. реки Карповки, 45
Проезд: ст. метро "Петроградская"
Телефон: +7-812-234-24-27